

Япония после 11 марта: итоги и уроки Великого восточно-японского землетрясения

В. Э. Молодяков

Пятница 11 марта 2011 г. стала «черным днем» в истории Японии. Начиная с 14:46 по местному времени на регион Тохоку – северо-восточную часть острова Хонсю – обрушились сначала несколько подземных толчков (самый сильный магнитудой 9,0), а несколько минут спустя разрушительные цунами. Наибольший урон был нанесен префектурам Мияги, Иватэ и Фукусима. Даже в Токио, за несколько сот километров от эпицентра, землетрясение такой силы чувствовалось впервые после другого «черного дня» – Великого землетрясения Канто 1 сентября 1923 г.

Итог – более 20 тыс. погибших и пропавших без вести, без шансов на спасение¹, в основном унесенных в океан гигантскими волнами, в 12 префектурах; ущерб, который предварительно исчисляется сотнями миллиардов долларов; возможно, самая серьезная в мировой атомной энергетике авария на АЭС «Фукусима-1», масштаб которой в полной мере еще невозможно оценить. Налицо необходимость восстановления крупного региона страны, для общего руководства которым создан специальный министерский пост.

Катастрофа, получившая официальное название «Великое восточно-японское землетрясение» (Хигаси Нихон дайсинсай), породила сотни тысяч новостных корреспонденций на всех языках мира, десятки тысяч журналистских и тысячи аналитических статей. В Японии появились и первые книги о последствиях разбушевавшейся стихии и человеческих ошибок. Полностью охватить этот объем информации мозг одного человека не в силах, даже если в его распоряжении новостные базы информационных агентств (автор настоящей статьи использовал главным образом ИТАР-ТАСС и Киодо) и самые совершенные поисковые системы Интернета. Не рассчитывая объять необъятное, пишуший эти строки попытался выделить и проанализировать наиболее важные социально-политические

¹ Уточненные данные на 29 августа: 15 745 погибших и 4467 пропавших без вести.

последствия и уроки катастрофы, опираясь в том числе на собственные наблюдения, поскольку с 11 марта практически непрерывно находился в Токио.

Кто виноват?

Можно ли было предотвратить столь многочисленные жертвы и разрушения? Этот вопрос сначала приглушенно, а затем в полный голос зазвучал со страниц японской печати.

К сейсмологам и метеорологам особых претензий не было, поскольку к случившейся трагедии идеально подходят слова императора Александра из поэмы Пушкина «Медный всадник»: «С божьей стихией царям не совладать». Крупных ошибок в их деятельности не выявили, а необходимость расширения ее финансирования и раньше не ставилась под сомнение.

Выдержали экзамен японские строители. Если во время землетрясения в Кобэ в январе 1995 г. большая часть жертв осталась под руинами зданий, то сейчас не менее 92% погибших пришлось на цунами, сметавшие все на своем пути. Многие здания, вне ближайшей прибрежной зоны, уцелели даже после того, как по ним прошлись гигантские волны, и остались пригодными для дальнейшего использования после ремонта. Другой вопрос, захотят ли вернуться туда прежние обитатели. Строительные компании, вдохновляемые не только патриотическим долгом, но и внушительным государственным заказом, сразу включились в правительственную программу по срочному сооружению временного (рассчитанного на 2–3 года) жилья для оставшихся без крова (их число приближается к 200 тыс. человек).

В целом на высоте оказались местные власти пострадавших префектур, сумевшие обеспечить спасателям, в том числе прибывшим из-за границы, максимально благоприятные условия для работы, организовать эвакуацию населения и снабжение его всем минимально необходимым. Спасатели зарекомендовали себя с наилучшей стороны. По мнению экспертов, власти Тохоку извлекли некоторые уроки из последствий катастрофы в Кобэ, к которой местные муниципалитеты и руководство префектуры Хёго оказались не готовы, несмотря на периодически проводившиеся проверки и радужные отчеты по их итогам. Однако, масштабы нынешней катастрофы, особенно цунами, они не предвидели, что потребовало пересмотра всей системы мер безопасности в отношении стихийных бедствий.

Поведение центральных властей вызвало несравненно более серьезную критику. К моменту землетрясения уровень поддержки правительства Кан Наото упал до отметки 20% (по данным некоторых опросов, еще ниже). В японских политических кругах такой рейтинг неофициально считается критическим и означает, что кабинету пора в отставку. Оппозиция в парламенте, где она с лета 2010 г. имеет большинство в

верхней палате, и в СМИ избрала тактику «булавочных уколов», критикуя кабинет и правящую Демократическую партию Японии (ДПЯ) по самым незначительным поводам и противодействуя принятию практически любого правительственного законопроекта. Катастрофа примерно на месяц заставила забыть о межпартийных распрях, но лидеры оппозиции, отказавшись от откровенно обструкционистских действий, не изменили критического отношения к администрации Кана. Конструктивного сотрудничества между демократами и их оппонентами, необходимость которого диктовались обстоятельствами, не получилось, что отрицательно сказалось на имидже Либерально-демократической партии (ЛДП) как ведущей силы оппозиции.

Сразу после аварии на АЭС «Фукусима-1», вызванной двойным ударом землетрясения и цунами, премьер совершил короткую поездку в зону бедствия, облетев ее на вертолете², а затем фактически скрылся с телеэкранов и первых полос газет. В течение первого месяца после землетрясения сравнительно малую активность проявляли и другие министры, за исключением генерального секретаря кабинета Эдано Юкио, который, облачившись в рабочую спецовку вместо привычного костюма, дабы подчеркнуть чрезвычайность ситуации, «отдужался» за своих коллег на ежедневных пресс-конференциях. «Ушел в подполье» и бывший председатель ДПЯ Одзава Итиро, возглавляющий в ней «анти-кановское» крыло.

Производивший впечатление энергичного и деловитого администратора, Эдано в прямом смысле слова стал «лицом» правительства, в том числе озвучивая непопулярные и сомнительные, с точки зрения многих независимых специалистов, меры вроде значительного повышения предельно допустимых норм содержания радиоактивных изотопов в пищевых продуктах, которое сопровождалось успокоительными заявлениями о безвредности подобных доз для организма. В медийном отношении Эдано за первые месяц-полтора после катастрофы выиграл больше, чем кто бы то ни было из японских политиков, хотя в кулуарах распространялись слухи, что он при первых известиях об аварии на АЭС срочно отправил семью за границу.

Когда прошел первый шок, власти призвали сограждан «возвращаться к нормальной жизни», символически используя для этого начало нового финансового года 1 апреля, когда министры переоделись из спецовок обратно в костюмы. Признаком «возвращения к нормальной жизни» стало традиционное любование цветущей сакурой в начале

² Поездка вызвала резкую критику со стороны ряда японских экспертов и СМИ, заявивших, что пребывание Кана в зоне аварии не только не способствовало ее ликвидации, а, напротив, отсрочило начало выпуска радиоактивного газа из зданий реакторов (это вызвало бы повышение радиоактивности в районе АЭС), что затем привело к взрывам на энергоблоках. Японское правительство попыталось официально дезавуировать эти утверждения.

апреля, хотя некоторые политики, например, мэр Токио Исихара Синтаро, призвали воздержаться от этого ритуала, чтобы подчеркнуть масштаб трагедии и солидарность с ее жертвами. Еще одним признаком возвращения к докризисной ситуации стала новая волна нападок на правительство.

Оппозиция вновь обвинила Кана в «недостатке лидерских качеств», ранее адресовав тот же упрек его предшественнику Хатояма Юкио. Поведение премьера в первые месяцы после катастрофы удивило многих аналитиков. Имевший репутацию закаленного бойца, хорошего оратора и умелого полемиста, Кан редко и неубедительно обращался к соотечественникам, не посещал зону бедствия, свел до минимума контакты с прессой, не отвечал по существу на критику со стороны оппозиции и в то же время не выступил со сколько-нибудь серьезными инициативами по преодолению кризиса. Создалось впечатление, что премьер то ли устал, то ли растерялся. Так, отвечая на критику положения дел в атомной энергетике со стороны оппозиции, он лишь 7 июля напомнил, что оно во многом является результатом более чем полувекового правления либерал-демократов.

Закономерным итогом критики стало внесение в парламент 2 июня – в годовщину отставки кабинета Хатояма – законопроекта о вотуме недоверия правительству за отсутствие лидерских качеств, неэффективность действий по преодолению последствий стихийных бедствий и неспособность справиться с кризисной ситуацией на АЭС. После того, как идею публично поддержал Одава, имевший много сторонников среди депутатов-демократов, над партией нависла реальная угроза раскола. Кан сумел предотвратить его лишь ценой обещания уйти в отставку после принятия второго дополнительного государственного бюджета на 2011/12 фин. г. и выполнения ряда намеченных работ по восстановлению пострадавших регионов. Точной даты ухода премьер не назвал, чем навлек на себя новую волну яростных и, надо признать, неконструктивных нападков. С этого момента он однозначно стал рассматриваться как «хромая утка». Утром 30 августа Кан ушел в отставку, уступив кресло премьера министру финансов своего кабинета Нода Ёсихико, который днем раньше был избран председателем правящей партии.

Продиктованное, несомненно, патриотическими мотивами предложение образовать «большую коалицию» или хотя бы войти в состав правительства, которое Кан через неделю после землетрясения адресовал своему визави в оппозиционном лагере – главе ЛДП Танигаки Садакадзу (бывший министр финансов в администрации Коидзуми), закончилось провалом после отказа последнего. Танигаки разъяснил, что его партия будет сотрудничать с демократами в деле ликвидации последствий катастрофы и восстановления страны, даже не входя в правительство, но формирование «большой коалиции» невозможно без достижения договоренностей по принципиальным политическим и

экономическим вопросам, не имеющим отношения к землетрясению. Кан подвергся жесткой критике со стороны оппозиции и за форму, в которой он сделал столь важное предложение, – по телефону. «Вы должны были лично приехать в штаб-квартиру ЛДП и с почтительным поклоном предложить господину Танигаки войти в состав кабинета», – наставительно заметил премьеру Ватанабэ Кодзо, один из партийных «старейшин», который часто критикует премьера и его действия.

Масштаб последствий катастрофы побудил 77-летнего императора Акихито 16 марта обратиться к населению по телевидению, чего монарх ранее не делал по таким поводам, включая землетрясение в Кобэ в 1995 г. и в Ниигата в 2004 г. Его медийное общение с подданными традиционно ограничено днем рождения (23 декабря) или празднованием Нового года. Можно предположить, что одной из причин обращения стали распространившиеся в японском интернете слухи о том, что после взрывов водорода на реакторах АЭС «Фукусима-1» монарх в спешном порядке покинул Токио и перебрался с семьей в Киото (по понятным причинам, японские СМИ об этом не писали). После этого император и императрица, а также их дети, неоднократно встречались с беженцами из зоны бедствия в предоставленных им временных убежищах в Токио и его окрестностях, а затем посетили все три наиболее пострадавшие от стихии префектуры.

После того, как прошел первый шок от известий о многотысячных жертвах подземных толчков и гигантских волн, внимание Японии и всего мира было приковано к ситуации на АЭС «Фукусима-1», принадлежащей компании «Токио дэнрёку» (официальное английское название «Tokyo Electric power» или сокращенно ТЕРСО). Именно с ситуацией на ней были связаны наибольшие тревоги японцев («взорвется – не взорвется»), наиболее резкая критика в адрес «кризисного менеджмента» компании и правительства, наиболее острая реакция со стороны других стран (частичный запрет на ввоз японских продуктов и на посещение прилегающей к станции зоны из-за угрозы радиации), а также самые нелепые слухи в СМИ. Наконец, эта авария чревата самыми большими убытками и компенсациями, окончательный размер которых пока невозможно определить, и может сыграть заметную роль в дальнейшей судьбе мировой атомной энергетики.

Автор настоящей статьи не является специалистом в области ядерной физики или атомной энергетики, чтобы судить о характере и причинах аварии и ее возможных последствиях, а также о правильности или неправильности действий ТЕРСО, местных и центральных властей по ее ликвидации. Суммируя сказанное специалистами, можно сделать следующие выводы. 1) Главной причиной аварии стали не подземные толчки, а цунами, разрушившее систему охлаждения реакторов, в результате чего произошло спекание ядерного топлива. 2) Стандарты и системы мер безопасности не были рассчитаны на землетрясение и цунами

такой мощности, а потому нуждаются в кардинальном пересмотре. 3) В контроле над работой АЭС страны были допущены нарушения имеющихся законов, включая «закрывание глаз» на несоблюдение действующих правил и стандартов, поскольку Управление атомной и промышленной безопасности находилось в подчинении министерства экономики, торговли и промышленности – главного лоббиста развития ядерной энергетики. 4) Авария еще не закончилась, поскольку состояние топлива в реакторах и отработавшего топлива в бассейнах выдержки по-прежнему представляет опасность с учетом разрушений в зданиях энергоблоков и возможности нового землетрясения. 5) Оценить степень загрязненности окружающей среды сразу после аварии пока не представляется возможным.

Наибольшую критику – которую коротко можно суммировать известной формулой «too little, too late» – вызвал именно «кризисный менеджмент» в деле ликвидации аварии, по которому, вероятно, пройдет самый серьезный «разбор полетов». Прежде всего, это относится к руководству ТЕРСО, которое систематически обвиняли в сокрытии от общественности информации о реальном положении дел на аварийной АЭС, в избирательном и несвоевременном оповещении правительства (подобная критика звучала даже из уст Кана и Эдано), в поспешном принятии технически непродуманных мер (заливка раскаленных реакторов морской водой из-за нехватки пресной) и, напротив, в неделании того, что необходимо было сделать.

Процитируем комментарий заместителя генерального директора Курчатовского института профессора В. Асмолова: «Японцы, которые научились почти идеально эксплуатировать станцию, в кризисный момент потеряли управление. Японская модель с долгой и строгой иерархией усложнила последствия аварии. Чем дальше уходил вопрос от места аварии, тем медленнее принималось решение, тем хуже было управление. Образно говоря, если русскому дяде Ване, чтобы починить залипшую кнопку, требуется лом и пять минут работы, японцы создают комиссию, мучительно совещаются, а ответственность на себя может взять только один начальник, которого срочно найти не всегда удастся. Говорить с кем-нибудь ниже уровня заместителя министра бессмысленно... Девять дней после аварии и обесточивания на станцию не могли перекинуть электрический ток. Русский человек быстро катушку по земле раскатал бы, запасной генератор притащил. Если бы удалось сразу запустить насосы с водой, худшего на станции удалось бы избежать. Нельзя сказать, что японцы ничего не делали, они по своей логике проходили долгие этажи иерархии. А станция горела»³.

Закономерными итогами этого стали, с одной стороны, создание в правительстве поста государственного министра по ликвидации аварий в атомной энергетике (его получил 39-летний Хосоно Госи, который в

³ Цит. по: Куланов А. Е. Обратная сторона Японии. М., 2011.

качестве специального советника премьера курировал работы на «Фукусиме-1»), а с другой – отставка президента ТЕРСО Симидзу Масатака и рекордное падение курса акций компании, которые считались эталоном надежности: на Токийской бирже они потеряли около 80% своей докризисной стоимости. Падение удалось остановить лишь путем правительственных обещаний взять на себя часть компенсации пострадавшим от аварии, общий размер которой пока никто не берется подсчитать. Токио допустил на аварийную АЭС специалистов МАГАТЭ и предоставил им всю запрошенную информацию. Глава этой международной организации японец Аmano Юкия клятвенно пообещал, что его национальная принадлежность никак не скажется ни на отношении комиссии к работе, ни на ее выводах. Эксперты подтвердили, что власти и ТЕРСО оказали им максимальное содействие, однако независимые наблюдатели выразили сомнение в полной беспристрастности и критичности МАГАТЭ в отношении происходящего на АЭС «Фукусима-1», поскольку Япония является вторым по объему финансовым донором этой организации.

Бедствие, постигшее Японию, неизбежно отразилось на ее отношениях с другими странами и на ее имидже в окружающем мире. Природный характер и масштаб катастрофы, которая, по тем или иным причинам, могла разразиться практически в любой стране, вызвали всеобщее сочувствие к японцам, которые перед лицом трагедии проявили достойную восхищения солидарность и выдержку. Большинство стран не только выразили японскому народу симпатию и поддержку, но и вызвались помочь материально, включая деньги и грузы, необходимые пострадавшим.

Россия одной из первых откликнулась на беду соседей, что было высоко оценено как властями и политиками, так и простыми гражданами, но крайне выборочно и тенденциозно освещалось в местных СМИ. Отношения между Москвой и Токио заметно ухудшились в феврале из-за очередного обострения японскими официальными лицами, включая премьер-министра, так называемого «территориального вопроса», что обусловило безрезультатность визита в Россию главы МИДа Маэхара Сэйдзи ровно за месяц до землетрясения. После катастрофы общественное мнение нашей страны, за исключением небольшого и явно ангажированного сектора Рунета, было едино в симпатиях к японцам, хотя мало кому пришло в голову поддержать их осторожные зондажи относительно желательности «возвращения северных территорий» в знак «сочувствия и солидарности». Случившееся ни на йоту не изменило официальную позицию обеих стран по болезненным вопросам двусторонних отношений, а невольная разрядка напряженности в них не была использована для каких-либо конкретных позитивных шагов.

Особого внимания заслуживает освещение событий этих месяцев японскими и иностранными, в том числе российскими, СМИ. Автору статьи этот аспект особенно близок и как исследователю имиджей и

имиджмейкинга, и как свидетелю событий, получивших столь причудливое медийное отражение. Количественно информации было много: ведущий общенациональный телеканал ННК в течение нескольких недель освещал события в зоне бедствия и на «Фукусиме-1» в круглосуточном режиме. Сообщения ведущих японских СМИ (общенациональных газет и телеканалов) «для внутреннего употребления» сводились к транслированию заявлений правительства и ТЕРСО и к комментариям специалистов (оценить последние по существу пишуший эти строки не берется). Однако вскоре на информационном пространстве, не находящемся под контролем элиты и бюрократов, начала расти волна публикаций (на момент написания статьи более десяти книг и тысячи статей), утверждавших, что правительство, ТЕРСО и чиновники с помощью СМИ и «карманных» экспертов сознательно дезинформировали сограждан об истинном положении дел на АЭС и возможных последствиях этого, создав, как заметил один иностранный аналитик, «мощный информационный шум из неполных, ложных, бессмысленных либо взаимно противоречивых сообщений». Автор настоящей статьи сам неоднократно слышал подобные утверждения, но не берется однозначно оценивать их.

Несколько иная ситуация сложилась с информацией, которую японские ведомства и СМИ давали на иностранных языках, прежде всего на английском. Изначально ее эффективность была невысокой из-за сравнительной скудости и неоперативности, а также из-за волны сознательной или несознательной, но несомненной дезинформации, которую создали иностранные медиа. Деятельность последних заслуживает особого рассмотрения. Пишуший эти строки мог на собственном опыте убедиться в том, что расхожее представление «СМИ всё врут» не так далеко от истины. Во время выступлений в марте-апреле в эфире различных российских и русскоязычных радиостанций (в общей сложности, вероятно, не менее 100 раз), мне приходилось изо дня в день повторять, что токийцы не бегут в ужасе из столицы, что город не погружен в хаос и панику, что уже через несколько дней после землетрясения поезда метро и электрички ходили по расписанию, в магазинах начала появляться исчезнувшая было питьевая вода, а ограничения на продажу бензина не парализовали жизнь города, но лишь уменьшили количество автомобилей. Вопросы ведущих были основаны на сообщениях ньюсмейкеров, которые заметно противоречили тому, что я видел собственными глазами. Напомню, речь шла о ситуации в Токио. Представители некоторых СМИ, включая съемочные группы, прямо требовали «моря крови» и «гор трупов», а в лучшем случае с надеждой в голосе просили – в том числе лично меня – сказать в эфир, что на «Фукусиме-1» все-таки «возможен худший сценарий».

Сознательное искажение ситуации с целью вбросить на информационное поле как можно больше «horrible» и «terrible» велось несколькими способами. При этом репортеры, похоже, не задумывались ни о меж-

дународных последствиях своих действий (дискредитация имиджа Японии), ни о репутации своих СМИ, ни об эмоциях потребителей, включая тех, у кого были родственники или знакомые в Японии, не говоря уже о журналистской этике. К этим способам относилась: выборочная трансляция информации (акцентирование внимания на показателях роста уровня радиации без упоминания о том, что даже такой уровень безвреден для здоровья); экстраполяция ситуации в зоне бедствия на всю страну (заголовки типа «Японию накрыло цунами», «Япония заражена», «Японцы в панике бегут на юг»); раздувание частных трудностей, вроде перебоев с питьевой воды и нормированной продажей бензина, до размеров общенациональных; использование ненадежных и недостоверных источников информации, включая перепуганных туристов и слухи из Интернета. Я подробно остановился на этом аспекте проблемы, поскольку абсолютное большинство потребителей информации в мире получило неверное и даже сознательно искаженное представление о случившемся, что уже имеет далеко идущие последствия.

Действия МИДа и других официальных лиц Японии по противостоянию волне паники и дезинформации также можно охарактеризовать формулой «too little, too late»: призывы верить немногочисленным и не слишком убедительным англоязычным сообщениям официальных источников не могли компенсировать огромный ущерб, который был нанесен имиджу Японии как «безопасной страны». Показателями этого стали «обвальное» падение количества иностранных туристов в первые месяцы после землетрясения (более чем в два раза по сравнению с 2010 г.) и «исход» из страны иностранцев, масштабы которого пока сложно оценить из-за появления в СМИ взаимоисключающих сведений (это относится и к гражданам РФ). Попутно ситуация четко высветила, представителям каких стран в Японии вели учет своих сограждан и были готовы оказать им действенную помощь в чрезвычайной ситуации, а каких – нет.

Что делать?

Пять с половиной месяцев после Великого восточно-японского землетрясения поставили перед страной и ее руководством множество стратегических и тактических задач. Попробуем обозначить важнейшие из них.

Первое – скорейшая ликвидация последствий аварии на «Фукусиме-1», точнее, предотвращение их разрастания: «холодная остановка» аварийных реакторов, ограничение распространения радиации с помощью «колпаков» из защитной синтетической ткани (а затем, вероятно, саркофагов), дезактивация почвы, загрязнение которой некоторые эксперты сравнивают с чернобыльским. Можно не сомневаться, что на это будут выделены все необходимые средства и задействованы все необходи-

мые резервы, включая помощь из-за рубежа, в том числе из России. Авторитетный российский специалист в данной области в конце июня сообщил автору статьи, что у японского правительства, заинтересованных ведомств и ТЕРСО есть стратегический план ликвидации аварии, понимание того, что именно надо делать, и технические возможности сделать это, однако было упущено драгоценное время, что сделает ликвидацию последствий аварии более долгой, опасной и дорогостоящей. Не вполне понятна и дальнейшая судьба территорий вокруг АЭС – 20-километровой зоны обязательной эвакуации и следующего пояса, в котором население продолжает жить в условиях повышенной радиации, подвергаясь постоянной опасности.

С этим непосредственно связан более глобальный вопрос о дальнейшем использовании «мирного атома», который дает японской экономике порядка 25–30% электроэнергии. Часть общественности, в основном популисты и «зеленые», требует полностью отказаться от нее, ссылаясь на пример Германии и Италии. Премьер-министр Кан несколько раз заявлял о необходимости «пересмотра» (что в японской политической лексике не обязательно означает «изменение», а скорее «рассмотрение заново») государственной политики в этой сфере и даже высказался за создание в будущем «общества, свободного от зависимости от ядерной энергетики», но был вынужден разъяснить, что это его «личное мнение», а не позиция кабинета. Официально о полном отказе от «мирного атома» пока не говорится, поскольку за его сохранение, даже при сокращении объемов и отказе от строительства новых АЭС, однозначно выступают деловые и промышленные круги.

Многие политики, представители деловых кругов и, конечно, лоббисты атомной энергетики указывают на колоссальные трудности и, соответственно, убытки, которые повлечет за собой «выключение» всех АЭС в стране. Особенно, добавляют некоторые, это почувствуется жарким летом и холодной зимой, когда вынужденная экономия электроэнергии в прямом смысле слова коснется каждого. Кроме того, экспорт ядерных технологий гражданского назначения считается в Японии перспективным направлением расширения своего экономического присутствия за рубежом, от стран АСЕАН до Ближнего Востока. Возможно, под влиянием случившегося на «Фукусиме-1» какие-то страны откажутся от применения ядерной энергии, но явно не все. Рынок «мирного атома» не потерпит пустоты, а Токио уже показал, что не намерен уступать таким активным конкурентам в данной сфере, как Россия или Франция.

Второе – восстановление пострадавших от стихии районов. Разработка конкретных планов в этом направлении уже ведется, но всё упирается в средства и силы, поскольку, по данным на 29 августа, 83 тыс. беженцев из зоны бедствия оставались во временных убежищах, под которые были наспех переоборудованы школы, спортивные сооруже-

ния и т. д. Восстановление займет не один год, причем сначала предстоит физически расчистить поле для него, убрав десятки миллионов тонн обломков. «Возрождение региона Тохоку», которое правительство объявило приоритетным направлением национальной политики, может стать мощным стимулом для ряда отраслей экономики, поскольку оно потребует масштабного строительства жилья, административных зданий и инфраструктуры и может дать работу части тех людей, кто остались без нее после катастрофы. Дальнейшая экономическая судьба Тохоку – в первую очередь аграрного и рыболовного, а значит дотационного региона – пока не ясна, хотя на неофициальном уровне ведутся разговоры о его возможном перепрофилировании в рамках общенационального разделения труда.

Где изыскать сотни миллиардов долларов на выплаты компенсаций и на восстановление пострадавших регионов? Как определить объем компенсаций, которые хотя бы частично удовлетворят пострадавших и не опустошат при этом государственную казну? Этот вопрос является особенно трудным для демократов, которые в 2009 г. пришли к власти под популистскими лозунгами и обещали осуществить масштабные социальные программы без повышения налогов. Оппозиция и многие ученые-экономисты критиковали эту программу как практически невыполнимую. Став правящей партией, демократы были вынуждены от казаться от некоторых наиболее экстравагантных идей, вроде бесплатного проезда по скоростным дорогам всей страны, чтобы обеспечить выполнение более важных обещаний, включая выплату пособий детям, однако события 11 марта, похоже, поставили крест на большинстве таких программ. Более того, демократам пришлось пойти на изменение принципиальной позиции по одному из наиболее дебатированных внутриполитических вопросов и согласиться на повышение потребительского налога с нынешних 5% до 10% в течение «первой половины 2010-х годов», т. е. очевидно не позднее начала 2014/15 фин. г. После землетрясения эта непопулярная, но необходимая, по мнению большинства экономистов, мера стала неизбежной.

Какова бы ни была политика центрального правительства по восстановлению региона Тохоку, очень многое зависит от местных властей пострадавших префектур – как законодательных, так и исполнительных. «Ключ к успеху возрождения лежит в участии людей на местах, на всех уровнях. Без этого не будут реализованы никакие замечательные планы. Особая ответственность лежит на мэрах городов и деревень», – подчеркнул, выступая 16 июля на симпозиуме в Токио (где присутствовал и автор настоящей статьи), бывший губернатор префектуры Иватэ Масуда Хироя. В отношениях между центральным правительством и местными властями – не только в Тохоку – накопилось много проблем, включая возобновление работы ядерных реакторов, которые в настоящий момент остановлены из-за стихийных бедствий или для проведения проверок

безопасности. Префектура Фукусима уже постановила навсегда распрощаться с «мирным атомом», и это решение вряд ли удастся изменить. Фукусима создала привлекательный прецедент для других регионов, которые могут попытаться использовать судьбу находящихся на их территории АЭС как «козырную карту» в переговорах с центральным правительством, добиваясь от него уступок в других сферах.

О многом придется призадуматься и главным политическим партиям Японии – демократам и либерал-демократам. По данным опросов, опубликованных 11–12 июля, через четыре месяца после катастрофы, рейтинг популярности (точнее, непопулярности) демократов рухнул до 13,6% (NHK), а кабинета Кана – до 15% («Асахи»), хотя в июне он одно время приблизился к 30%. При этом более 40% участников опросов общественного мнения не отдают предпочтение никакой партии. Не имевшие опыта управления страной, демократы приобретали его не только «на ходу», но в условиях сначала мирового финансового кризиса, а теперь разрушительных стихийных бедствий. Заявленное ими намерение вырвать разработку политики из рук бюрократов и передать ее народным избранникам с самого начала наталкивалось на глухое сопротивление чиновников, в «активе» которых оставались профессионализм и умение взаимодействовать с местными властями и бизнесом. Оказалось, что реалии государственного управления и экономики заметно отличаются от представлений демократических лидеров, которые, по меткому замечанию одного видного японского политолога, знали ситуацию лишь по отчетам и другим бумагам, которые им клали на стол. Без помощи чиновников, местных властей и бизнеса никакое возрождение страны невозможно. Однако его реализация – это вопрос не только власти той или иной партии, но и будущего всей страны.

Если демократы в эти кризисные месяцы не заработали дополнительные политические «очки», то их противники либерал-демократы также не остались в барыше, хотя и немного повысили свой рейтинг. Партия, практически безраздельно руководившая страной более полувека, не выдвинула никакой конструктивной программы выхода из кризисной ситуации, не продемонстрировала готовности забыть о мелких политических распрях перед лицом общей беды и, тем более, прийти на помощь менее опытным демократам, показав им пример истинно государственного мышления. Напротив, ЛДП так и не отказалась от тактики «булавочных уколов», больше подходящей для мелкой партии, которой необходимо любой ценой напоминать о себе. Принесет ли ей это успех на выборах, покажет будущее. Однако внесенный либерал-демократами проект вотума недоверия кабинету Кана вызвал резкое раздражение в Тохоку. «Пусть депутаты лучше приедут сюда и помогут нам, – говорили журналистам жители пострадавших районов, – если им больше нечем заняться».

Последствия катастрофы 11 марта обозначили целый ряд новых международных проблем, с которыми Токио предстоит сталкиваться в будущем. Многие страны, искренне выразив Японии сочувствие и предложив помощь, одновременно ввели запреты и ограничения на ввоз овощей, фруктов, мяса, молока и рыбы из ряда префектур страны, включая те, на которые авария на «Фукусиме-1» никак не действовала. Некоторые запреты имели превентивный характер и не мотивировались обнаружением повышенного уровня радиации в конкретных продуктах. Масла в огонь подлили слухи о «зараженности» японских автомобилей, поскольку в ситуации «у страха глаза велики» потребитель готов был верить чему угодно. Глава МИДа Мацумото Такэаки, назначенный на этот пост как раз перед землетрясением, неоднократно обращался к иностранным импортерам с призывом дифференцированно подходить к данному вопросу, поскольку это бьет не только по экспорту, но и по имиджу страны. Оценить потери первого уже можно: в апреле вывоз продукции сельского хозяйства и рыболовства Японии упал на 14,7% (по сравнению с тем же месяцем предыдущего года), а в мае на 16,6%; при этом экспорт в Россию снизился на 70,9%, в КНР на 48,4%, а в Южную Корею на 40,4%. Разумеется, в этих условиях активизировался Китай, считающийся экспортером относительно дешевой сельхозпродукции с практически неограниченными возможностями, хотя ее качество и безопасность уступали японской «до катастрофы».

Оценить имиджевые потери Японии я пока не берусь, но образу «самой безопасной страны» нанесен мощный удар, афтершок от которого продолжается и четыре месяца спустя – например, в виде разгравшегося в середине июля скандала с попавшей в торговую сеть говядиной из Фукусимы, в которой обнаружено повышенное содержание радиоактивного цезия. Японцам придется доказать, что они снова сделали страну максимально безопасной, насколько это возможно физически, и приложить большие усилия к совершенствованию своего имиджмейкинга, направленного на иностранцев, в котором до сих пор остается много слабых звеньев.

«Япония обязательно возродится!». Эти слова в стране повторяют буквально все, заключив в них веру и надежду, готовность к работе и волю к победе. Автор настоящей статьи, переживший трудные месяцы вместе с японцами, тоже уверен в этом. Как именно это произойдет, мы, надеюсь, узнаем из следующего выпуска ежегодника.

30 августа 2011. Токио